Цветы зла

Автор:
Шарль Бодлер

Цветы зла

Шарль Бодлер

Библиотека лучшей поэзии

Шарль Бодлер (1821–1867) – классик французской литературы, поэт, критик, эссеист, основоположник декаданса и символизма. Поэтической вершиной его творчества стал сборник стихотворений «Цветы зла», впервые опубликованный в 1857 году и мгновенно привлекший к себе внимание читающей публики, – поэт сразу же был оштрафован за оскорбление общественной морали и был вынужден убрать из текста 6 наиболее «безнравственных» стихотворений. Этот сборник в полной мере отражает мировоззрение поэта, его основные лирические настроения – скуку, уныние, меланхолию. Герои его стихов словно разрываются между духовной красотой и эстетикой порока, их терзают раздвоенность желаний и жажда смерти. Многие тексты посвящены французскому поэту Теофилю Готье и музе автора, балерине Жанне Дюваль, которые значительно повлияли на становление Шарля Бодлера как поэта. В данном сборнике стихи Бодлера представлены в переводе поэта-имажиниста Вадима Шершеневича.

Шарль Бодлер

Цветы зла

© Бодлер Шарль

© Шершеневич В., перевод

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Непогрешимому поэту всесильному чародею французской литературы, моему дорогому и уважаемому учителю и другу ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ как выражение полного преклонения посвящаю ЭТИ БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Ш. Б.

Вступление

Нам разрушая плоть, рассудок наш терзают
Безумие, и страх, и скаредность, и вздор.
Собою совести любезный нам укор
Питаем так же мы, как нищий вшей питает.

В грехах – упорны мы, в раскаяньи – трусливы;
За все дела себе мы щедро воздаем;
Мы омерзительным путем, смеясь, идем,
Мечтая пятна смыть своей слезой гадливой.

На изголовьи Зла наш разум усыпляет
Сам Дьявол-Трисмегист; им ум обворожен;
И дорогой металл душевной воли он,
Алхимик и мудрец, до дна в нас испаряет.

И в отвратительном находим мы отраду;

Сам Дьявол держит нас в волнующих сетях,

И сквозь зловонный мрак, позабывая страх,

Мы с каждым днем на шаг подходим ближе к аду.

Как мучимую грудь блудницы очень дряхлой

Целует и сосет развратник и бедняк,

Восторги тайные, спеша, воруем так

И выживаем их, как померанец чахлый.

Как легион червей, в мозгу у нас толпою

Пируют демоны и топчутся гурьбой.

Лишь стоит нам вздохнуть, – Смерть с жалобой

глухой

Нисходит в легкие незримою струею.

Коль яд, насилие, кинжал и даже пламя

Еще не вышили рисунок свой смешной

На жалком жребии, как на канве простой, —

Лишь потому, что мы не с храбрыми сердцами!

Среди шакалов, змей и гадов безобразных,

Средь коршунов, пантер, и обезьян, и псов,

Средь чудищ, где и визг, и вой, и шип, и рев,

В зверинце низменном пороков наших разных, —

Одно всего подлей и гаже несравненно;

В нем жестов грозных нет и воскриков нет в нем.

Оно проглотит шар земной одним глотком

И землю превратит в развалины мгновенно, —

То – Скука! Полня глаз невольною слезою,

Она «хука» дымит, взмечтав про эшафот.

Тебе знаком ли тот изнеженный урод, —

Ханжа-читатель мой, мой брат, двойник со мною?!

Хандра и идеал

Благословение

В тот самый час, когда, по воле высшей силы,

Поэт был матерью на скучный свет рожден,

Испуганная мать хулу заголосила,

Вздев к Богу кулаки, – и жалобам внял он.

– «О, лучше бы узлом ехидн мне ощениться,

Чем молоком своим посмешище питать!

Я проклинаю ночь, где страсть недолго длится,

Когда во чреве я могла позор зачать!

И хоть тебе избрать меж женщин было надо

Меня, чтоб стала я для мужа невтерпеж,

Хоть, как письмо любви, уродливого гада

Отныне в пламени, конечно, не сожжешь, —

Но ненависть твою, что бременем я чую,

Я вымещу на нем, твоем орудьи злоб,

И это деревцо несчастное скручу я,

Чтоб почек выпустить зловонных не могло б!»

Не в силах уяснить извечный план вселенной

И брызжа пеною и желчью пополам,

Она готовила себе среди Геенны

Костер, назначенный преступным матерям.

Но, охраняемый в невидимой опеке,

Ребенок-сирота луч солнышка впивал;

Во всем, что только пил, во всем, что кушал, —

некий

Он нектар розовый с амброзией вкушал.

Беседу с тучкой вел он, с ветерком играя,

И, напевая, шел, и крест тяжелый нес,

И Ангел, шедший вслед, поэта наблюдая,

Что веселей был птиц, сдержать не в силах слез.

Всех возлюбив, поэт встречал лишь подозренья;

От кротости его смелея с каждым днем,

Все слушали: кому свои возносит пени,

Жестокость испытать хотели все на нем.

В его вино и хлеб подмешивали скверны,

И пепел сыпали порой в его обед,

И всё, что трогал он, швыряли лицемерно,

Не ставили свой шаг в оставленный им след.

Его жена твердит на площадях публичных:

– «О! Так как хочет он меня боготворить,

Занятье воскрешу я идолов античных

И, как они, хочу позолоченной быть!

Пресыщусь нардами и мирру воскурю я,

Найду забвение и в пище, и в вине!

Из сердца, что в меня так влюблено, смогу я

Исторгнуть почести божественные мне!

Когда же от забав кощунственных устану,

Всю силу слабых рук я возложу на нем,

До сердца милому проборожу я рану

На когти гарпии похожим коготком.

Я сердце красное из тела мужа выну,

Как из гнезда птенца, что бьется и дрожит,

И на? землю моей любимой кошке кину

С презрением, чтобы был зверек любимый сыт».

Презрев на небесах великолепье трона,

Благочестиво длань Поэт вверх воздымал,

И, источая блеск, рассудок просветленный

Народы злобные от взора сокрывал.

«Благословен Господь, дарующий страданье,

Лекарство чудное от наших нечистот!

Готовя силы нам для светлого желанья,

Как масло лучшее оно на душу льет.

И твердо знаю я, что место для поэта

Ты средь Архангелов счастливых сохранил

И призовешь меня, Господь, на место это

В день вечный праздника Властей, Престолов,

Сил.

Я знаю: только скорбь дает нам сан нетленный,

Не опороченный ни адом, ни землей.

Я подать всех веков и дань со всей вселенной

В венец таинственный вплести обязан свой.

Пальмиры древностной забытые каменья,

Металлы тайные и перлы всех морей,

Что ты, Господь, извлек, – они ничто в сравненьи

С той ослепительной короною моей.

Корона спаяна лучом первоначальным

Святого очага, – и с блеском тех огней

В сравненьи кажется подобием печальным

И тусклым зеркалом огонь людских очей!»

Альбатрос

Для развлечения порой толпе матросов
Случается морских огромных птиц словить,
Дорожных спутников, ленивых альбатросов,
За судном любящих по горьким безднам плыть.

Воздушный царь! Едва на палубные доски
Он брошен, как тотчас становится смешон;
Большие два крыла белеющие – плоско,
Как весла по бокам, влачит неловко он.

Крылатый путник! Стал ты дряблый и неловкий!
Прекраснейший пловец! О, как уродлив ты!
Один матрос сует в клюв трубку для издевки,
Другой – передразнил походку хромоты.

Поэты! Схожи вы с заоблачным владыкой,
Кому смешна стрела, кто близок был ветрам!
Вы также изгнаны на землю, где средь гика
Крыло гигантское ходить мешает вам!

Возношение

Чрез озера и горы, долины и шхеры,

Чрез леса, облака и над далью морской,

Выше к солнцу и выше, чем воздуха слой,

За пределы усеянной звездами сферы, —

Ты, мой разум поэта, проворно летишь,

Как отличный пловец, издеваясь над бурей,

В сладострастии невыразимом, в лазури

Ты безмерность пространства, смеясь, бороздишь.

От заразных миазмов стремись далеко ты,

Чтоб очиститься, в высший простор ты взлетай,

Как божественно чистый напиток, глотай

Светозарный огонь, что наполнил пустоты.

Позабыв про врагов и что над бытием

Нашим тяжко довлеют печали пустые,

Счастлив тот, кто сумеет в пространства иные

Вознести себя кверху могучим крылом!

Тот, чьи мысли, подобные ласточке скорой,

В поднебесье стремят свой свободный полет,

Тот, над жизнью вспарив, без усилий поймет

И вещей немоту, и цветов разговоры.

Соответствия

Природа – это храм; колонн оживших ряд

Невнятные слова порою испускает.

Сквозь чащу символов в храм люди проникают,

За ними символов следит привычный взгляд.

Как эха дальнего сливаются раскаты

В один глубокий гул и мрачный, и глухой,

Обширный, словно ночь иль яркий свет

дневной, —

Так соответствуют звук, цвет и ароматы.

Есть запахи свежей, чем тело у ребят,

И зеленей лугов, гобоя звуков резче;

– В других есть торжество, богатство, и разврат,

И откровение незавершенной вещи;

Так амбра с мускусом, бензой и фимиам

Вещают про восторг ума и чувства нам.

«О тех нагих веках люблю воспоминанья…»

О тех нагих веках люблю воспоминанья,

Когда Феб золотил охотно изваянья;

Мужчина с женщиной, проворны и легки,

Вкушали сладко жизнь без лжи и без тоски.

Влюбленно небеса людей ласкали спины,

Здоровье множили высокой их машины;

Сибелла, щедрая в дарах любви своей,

Тогда не числила обузой сыновей;

И, нежностью ко всем исполнена, волчица

Сосцами смуглыми давала всем кормиться.

Мужчина стройный мог, в могуществе своем,

Гордиться красотой и зваться королем

Нетронутых плодов и девственниц, чье тело

Упруго-крепкое укусов захотело.

Когда ж теперь Поэт захочет оживить

Величье прошлое и сможет посетить

Места, где встретится с людскою наготою,

Он холод чувствует, что овладел душою

Пред черным зрелищем, где ужасы живут!

Уроды страшные о платье слезы льют!

Обрубки жалкие! Их торс, корсетом сжатый!

Тела искривлены и вялы иль пузаты!

Их в детстве пеленал нещадною рукой

В свивальник бронзовый бог Выгоды земной.

Вы, женщины, бледны, как свечи восковые,

Распутством съедены; вы, девы молодые,

Наследственно в крови покоите своей

Гнусь плодородия, пороки матерей!

Да, правда: есть краса у нас, племен разврата,

Народам древности безвестная когда-то.

Изъязвленных сердец на лицах след видней,

И чтут его красой изнеженных людей.

Но ложь поэзии больной и запоздалой

Народам страждущим вовеки не мешала

Почтенье воздавать той юности святой,

Чей лоб всегда открыт, взор ясен, вид простой.

Текущую струю собой напоминая,

Ты, Юность, шествуешь, окрест распространяя,

Как синева небес, как птицы и цветы,

Свой аромат, и песнь, и сладость теплоты.

Маяки

О Рубенс! Ты – поток забвения, сад лени,

Подушка плоти ты, где плоть любить нельзя,

Но где обильна жизнь и так полна волнений,

Как воздух в небесах и средь морей – струя.

Да Винчи! Зеркало, где мрак глубин несносен;

В нем прелесть ангелов; в улыбке сладкой ртов

Всё тайн полно; они являются из сосен,

Каймящих этот край, из мрака ледников.

Рембрандт! Ты – лазарет, где горький ропот гнета

И лишь распятие украшено одно;

Молитвы плачущих иссушат нечистоты,

И только луч зимы осветит полотно.

О Микель Анджело! Геракл в пустыне дома

Мне явлен; смешан он причудливо с Христом,

А справа, в сумерках, огромные фантомы

Рвут саван на себе протянутым перстом.

Бесстыдство фавново, боксерский гнев обрел ты,

Сумевший показать нам каменщиков боль,

О сердце гордое, о немощный и желтый

Пюже нерадостный, кандальников король!

Ватто! Ты – карнавал; как бабочки порхая,

Сердца известные пылают и снуют;

Свечей легчайший свет и мебель дорогая

На бал кружащийся свое безумье льют.

О Гойя! Ты – кошмар безвестного проклятья,

Где варят к шабашу зародышей в котлах,

Старухи с зеркалом и девочки без платья,

Соблазн для демонов в приподнятых чулках.

Делакруа! Ты – пруд, где бродят злые духи;

Он елей зеленью извечной осенен,

Под небом жалобным фанфары странно глухи

И так придавлены, как Веберовский стон.

Проклятья, жалобы и богохульство смеха,

Восторги, крики, стон, молитвы, наконец,

О повторенное в ста лабиринтах эхо, —

Чудесный опиум вы для людских сердец.

Вы крик, что часовой стократно повторяет,

Приказ, что передан сквозь сотню рупоров,

И зов охотников, что по? лесу блуждают,

И отблеск в крепостях зажженных маяков.

И доказательств нет прекраснее на свете,

Чем то свидетельство величия людей,

Тот плач, катящийся к столетью от столетья,

Чтоб умереть, Господь, у вечности твоей.

Больная муза

О Муза бедная! Ах! Утром что с тобой?

Виденья полночи зрачок твой населили,

Безумие и страх холодный и немой

По очереди след на лбу пробороздили.

Зеленый ли суккуб иль красный домовой

В тебя из урн любовь и ужас перелили?

Иль лапы властные кошмаров облик твой

В таинственный Минтурн упрямо погрузили?

Я жажду, чтоб твой мозг, вдохнувший аромат

Здоровья, мыслями стал мощными богат;

Кровь христианская размеренно текла бы,

Как многочисленный старинный звук

силлабы,

Где правят в свой черед то Феб, отец стихов,

То Пан Великий, бог и властелин хлебов.

Продажная муза

О Муза сердца, ты, влюбленная в чертог!

Найдешь ли в Январе, швыряющем ветрами

И оснеженными со сплином вечерами,

Хотя бы головню для посиневших ног?

На мрамор плеч твоих лучей полночных пламя

Проникнуть сможет ли меж ставенных досок?

Как пересохший рот, так пуст твой кошелек, —

Наполнишь ли его небесными дарами?

О, нет! Должна, чтоб хлеб насущный свой

сыскать,

Паникадило ты, как певчий, раздувать,

Сама не веря, петь псалом ежевечерне;

Иль, как голодный шут, на площади большой,

Со смехом, смешанным с незримою слезой,

Раскрыть свой балаган для развлеченья черни.

Дурной монах

Монахи в древности на стенах выставляли

В изображениях лик Истины святой,

Чтоб благочестье чувств картины оживляли,

Смягчая холодность суровой жизни той.

Во дни, когда Христа посевы возрастали,

Монах известный – он теперь забыт молвой —

Избрал для мастерской поля, где погребали,

И там прославил Смерть со всею простотой.

– Но я монах – дурной! Моя душа – могила!

Я от нее бегу, но в ней живу. Унылый

Свой монастырь ничем не украшаешь ты,

Ленивый по?слушник! Когда же превращу я

Любовь моих очей, работу рук простую

В живое зрелище печальной нищеты?!

Враг

О юность! Ты была лишь мрачною грозою,

Кой-где луч солнечный сквозь сумрак проходил;

Опустошенье дождь и гром внесли такое,

Что бедный сад плодов почти не сохранил.

Забота осени теперь владеет мною.

Я должен в руки взять лопату и скребок,

Чтобы пласты земли, размытые водою,

До дыр, как бы могил, я обработать смог.

Но новые цветы – о них я грежу ныне! —

Питанье тайное отыщут ли в куртине

Размытой, как песок, чтоб сил набрался плод?

О скорбь! О скорбь моя! Жизнь время пожирает,

Из сердца темный Враг усердно кровь сосет

И, обескровив нас, растет и распухает.

Неудача

Чтоб тяжкий груз поднять живущий мог,

Иметь, Сизиф, твое упорство надо!

Как счастлив тот, кому в труде – отрада,

Мал Времени, Искусства – долог срок.

Душа, вдали гробницы золоченой,

Заброшенный погост окрест ища,

Как в барабан приглушенный треща,

Идет и марш играет похоронный.

– Сокровища схоронены в земле

И спят они, забытые во мгле,

От заступа и бурава далеко!

И горестно, что часто аромат,

Что сладостней всех тайн, цветы струят,

Растущие в пустыне одинокой.

Прежняя жизнь

Под портиком большим я прожил лет немало.

Морское солнце там швыряло сноп лучей;

Величие колонн их, в прямоте своей,

Базальту по?д вечер такими ж возвращало.

И отражение небес среди зыбей

Величественно и таинственно мешало

С богатой музыкой играющего вала

Закатные цвета, – для радости очей.

Ах, долго прожил там я в сладостном покое,

В блестящей синеве и меж морских валов,

Средь благовония моих нагих рабов,

Что обвевали лоб мне пальмовой листвою

И чьей единственной заботой было знать

Те скорби, от каких я продолжал страдать.

Цыгане в пути

Народ пророческий, сияньем глаз блистая,

Пустился в путь, неся за спинами детей

Или сокровище свисающих грудей,

Всегда готовое, им, жадным, отдавая.

Мужи идут пешком, оружием сверкая,

Вблизи скрипучих арб, где скученность семей,

И к небу тяжкий взор задумчивых очей

С отсутствующими мечтами устремляя.

Приметив путников из крепости песков,

Кузнечик песнь свою удваивать готов;

Сибелла, их любя, прикажет из гранита

Потечь воде ручья, произрастать цветам

И зелень обновит пред теми, чьим очам

Грядущих сумерек владычество открыто.

Человек и море

Свободный человек любовью к морю полн.

То – зеркало твое. Свою ты видишь душу

В движенье вечном волн, прибоем бьющих

в сушу;

И, словно разум твой, горька пучина волн.

Как радостно тебе, уткнувшись в лоно ликом,

Глазами и рукой ласкать его. Порой

От гула своего дух отдыхает твой

В печальном ропоте неумолимо диком.

Вы оба – мрачные и скрытные, увы!

О человек! Никто твоих глубин не смерит,

А море никому богатства не доверит,

И оба прячете ревниво тайны вы.

Уже века, забыв пощаду для проклятья,

Ведете вы войну жестоко меж собой:

Так любите вы смерть, так любите вы бой,

О вечные бойцы, безжалостные братья!

Дон Жуан в аду

В тот час, когда, сойдя в подземное жилище,

У волн Харону свой обол Жуан вручил,

Как гордый Антисфен, угрюмый этот нищий

Рукою мстителя свое весло схватил.

Кружились женщины под черным небосклоном,

Вниз груди опустив, наряд раскрывши свой,

Подобные стадам, на жертву принесенным,

Они Жуану вслед кидали долгий вой.

И Сганарель просил отдать долги со смехом;

Трясущимся перстом седой Луис грозил,

Кивая мертвецам, блуждающим по вехам,

На сына-наглеца, кем опозорен был.

Эльвира, в трауре, худая, с дрожью стана,

Вблизи обманщика, кто был любовник ей,

Молила ей отдать последний смех Жуана,

В котором бы сквозил зной первых их ночей.

Из камня исполин, в доспехах, не сгибаясь,

Чрез реку черную ладьи направил путь;

В спокойствии герой, на шпагу опираясь,

С кормы ни на кого не захотел взглянуть.

Теодору де Банвилю

Ты, кистью волосы богини захвативший

Насколько только мог, вид приобрел такой

Беспечной красоты и облик мастерской,

Как бы распутник, ниц любовницу сваливший.

Твой полон ясный взор стремительных огней,

Спесь зодчего в твоих творениях гордится;

В них – розмах сдержанный позволил убедиться

В могучей зрелости твоих грядущих дней.

Поэт! Ведь наша кровь бежит из каждой поры:

Случайно ли и то, что сам Кентавр, который

В ручье загробном лик свой прежний изменил,

Три раза окунул покорно ткань нарядов

В слюну зловещую горящих местью гадов,

Что в люльке Геркулес-младенец задушил.

Посрамление спеси

Во время чудное, когда с огромной силой

Ты, Богословие, цвело и гордым было, —

Как говорят, один известнейший мудрец,

Затронув глубину неверящих сердец,

Умом преодолев пути блаженств небесных,

Отменный ряд путей, ему же неизвестных,

И, наконец, придя в чудесный край иной,

Куда имеют вход лишь чистые душой, —

Как муж, что вознесен высоко в поднебесье,

Он в ужасе вскричал, объятый адской спесью:

«Исус младенец! Он был мною вознесен!

Мне стоит захотеть, низвергнут будет он,

Чтобы его позор со славою равнялся,

А сам Исус смешным зародышем казался!»

Лишился разума мудрец в единый миг;

За тьмою спрятался сиявший солнца лик,

Смятенье ринулось в рассудок без оглядок,

В храм некогда живой, где прежде был порядок

И где до потолка кадили фимиам;

Молчание и ночь теперь настали там,

Как в погребе, коль ключ от погреба утерян.

И стал с тех пор мудрец, как пес бродячий,

скверен,

И должен был, слепой, через поля бродить,

И лета от зимы не мог он отличить,

Ненужный, мерзостный, как ветошь вековая,

У ребятишек смех веселый вызывая.

Красота

Прекрасна, как мечта из камня, я, о смертный!

А грудь моя, куда обязан каждый пасть,

Ты создана внушать поэтам в мире страсть,

Подобно веществу, – извечной и инертной.

Как сфинкс непонятый, царю я в вышине,

С лебяжьей белизной лед сердце съединяет,

Презрев движение, что линии смещает;

Не плачу я вовек и смех неведом мне.

Поэты тратят дни среди набросков трудных,

Пред позою моей великою застыв

(Заимствовала вид свой я у статуй чудных!);

Послушно влюбчивых, влекут их, покорив,

Два чистых зеркала, где краше все созданья,

Широкие глаза, где вечности сиянье.

Идеал

Виньеток прелестям, испорченным немножко,

Созданиям, что мог бездельный век родить,

И кастаньетам рук, и вам, полусапожки, —

Души, как у меня, не удовлетворить!

Отдам я Гаварни, поэту увяданья,

Тот рой, что про красу больную щебетал.

Средь бледных роз найти цветка не в состояньи,

Который бы увлек мой красный идеал.

Ах, нет! Нужны сердцам, глубоким, словно бездна,

Вы, Леди Макбет, кто, в грехе, с душой железной,

Эсхилова мечта, что создал ураган!

Иль ты: о Ночь, о дочь великого Анджело,

Кто, кротко искривив в чудесной позе тело,

Жеманно тянется к твоим губам, Титан!

Гигантка

В те времена, как Рок, по прихоти всевластной,

Мог каждый день детей чудовищных родить,

Тогда, как кот у ног царицы сладострастной,

Хотел бы я вблизи гигантки юной жить.

Следил бы, как цветут ее душа и тело

И в страшных игрищах, свободные, растут;

Я знал бы, коль душа огнем грустей затлела

Сквозь влагу и туман, что по зрачкам текут.

Великолепье форм я изучил бы скоро,

Исползал бы колен гигантских косогоры,

И только в летний день, когда лучи томят,

Уединившись с ней в полях, среди растений,

В тени ее грудей уснуть я был бы рад,

Как у подножья гор спокойно спит селенье.

Маска

Аллегорическая статуя во вкусе Ренессанса

ЭРНЕСТУ КРИСТОФУ

ваятелю

Давайте созерцать клад флорентийских граций!
В могучем корпусе, как две сестры небес,
Изящество и Мощь умели совмещаться.
И женщина жила, как образец чудес,
Небесно-крепкая и стройная такая,
Для царственных забав на ложе создана,
Первосвященника иль князя развлекая.

– И сладострастная улыбка мне видна,
Куда тщеславье взор кидает восхищенный,
И этот скрытный взгляд, с насмешкой нег своих,
Жеманный этот лик, весь дымкой обрамленный,
Где победительно взывает каждый штрих:
«Любовь дала венец и Страсть ко мне воззвала!»
Дало величия ей много бытие,
Очарование восторги вызывало.
Пойдем же, оглядим со всех сторон ее!
Проклятье случаю! Искусство роковое!

Ты, тело женское, что счастие сулишь,

Кончаешься двойной ужасной головою!

О, нет! Притворство лишь, ах, украшенье лишь

Тот лик, что озарен гримасою прекрасной;

И вот на нас глядит прищуренным зрачком

Лик подлинный, другой; он обращен неясно

К другому лику; скрыт он лгущим нам лицом.

– О горечь красоты! И в сердце набухает

Поток чудесных слез из плачущих очей;

Меня пьянит обман, моя душа впивает

Печалью выжатый из глаз твоих ручей!

– О чем же слезы льет она, с ее красою,

Что поколения к подножию влекла?

Стан атлетический терзает зло какое?

– О том безумье слез, что жизнь она жила

И что еще живет! Ее терзает больше

Всего и трепетом струится по ногам

То, что ей завтра жить, что нужно жить ей

дольше,

И послезавтра жить, и вечно, – как и нам!

Гимн красоте

Приходишь ты из бездн иль с горнего селенья,

Краса? И божество, и ад в зрачке твоем,

И он толкает нас к добру и к преступленью,

И сравнен потому нередко он с вином.

В твоем зрачке – огни заката и Авроры,

Ты запахи струишь, как вечер грозовой;

Твой поцелуй – как фильтр, уста твои —

амфора:

В ней рождены дитя отваг и трус-герой.

И Демон, точно пес, за юбкою твоею;

Ты выйдешь к нам из бездн иль со звезды

слетишь?

И, радость наугад или несчастье сея,

Ты безответственна, хоть ты везде царишь.

С издевкой шествуешь, Краса, по убиенным,

И Ужас – из твоих забав не самый злой!

Меж дорогих брелков на животе надменном

Влюбленно пляшет Смерть ужасный танец свой.

Свеча! К себе манишь ты однодневок стаи,

Что, трепеща, сгорят, благословив огонь.

Любовник задрожит, подругу обнимая,

Схож с умирающим, чья гладит гроб ладонь.

Подобье страшного, простого сердцем зверя!

С небес, из ада ль ты, Краса, – мне всё равно,

Коль глаз смеющийся мне приоткроет двери

В ту вечность, что, не знав, я возлюбил давно.

Сирена ль, Ангел ли, иль Бог, иль Сатана ты, —

Мне всё равно! Сулят, единственный мой друг,

Твой бархатистый взгляд, твой блеск и ароматы

Мир меньшей гнусности, мгновенья меньших

мук!

Экзотический запах

Осенним вечером я, очи закрывая,

Испью твоих грудей горящих аромат;

Морские берега, которые слепят

Однообразные огни, я различаю.

Ленивый остров, где цветут, произрастая,

Деревья странные, плодов мясистый ряд,

Где взоры женские нас смелостью дивят

И где мужская плоть могучая такая.

Влекомый запахом в чудесные края,

Порт, полный парусов и мачт, увижу я;

Они изнемогли от бури в океане;

И запах в воздухе несется от лесов

Из тамариндов; он, насытив обонянье,

Мешается в душе с напевом моряков.

Шевелюра

Руно, что падает до самой шеи томно!

О кольца! Аромат, где нежности поток!

Восторг! – Чтоб населить ночной альков мой

темный,

Кудрявое руно прически той огромной,

Где вспоминанья спят, взбиваю, как платок!

Благоухающе хранят леса густые

И негу Азии, и африканский зной,

И дальние миры ушедшие, чужие!

Как к музыке порой влечет умы иные,

Так я, любимая, ныряю в запах твой.

Туда, где человек и травы полны сока

И долго нежатся в жаре, – лететь готов;

Коса! Взметни наверх меня, как вал высокий!

О море черное! В тебе, слепящем око,

И мачты, и огни, и паруса гребцов!

Порт звонкий, где душа – цветы, благоуханья

И песни может петь; где корабли гурьбой

Скользят по золоту, в муаровом блистаньи,

Раскрыв рук пустоту, чтобы обнять сиянье

И чистоту небес, в которых вечный зной!

Нырну я головой, влюбленный в опьяненье,

В тот черный океан, где скрыт еще второй;

Утонченный мой ум от качки в восхищеньи;

Он вновь найдет тебя, о изобилье лени,

Благоухающий, качающий покой!

Лазурь больших небес, тьмы полог

напряженный

Ты мне напомнила, о синева волос!

В концах пушистых кос, в прическе

искривленной

До опьяненья пью я запах благовонный

Смолы и мускуса, твой аромат, кокос!

И долго! И всегда! И в тяжесть этой гривы

Посеет жемчуга, рубин рука моя,

Чтоб не была глуха ты к моему порыву!

Иль ты оазис грез! Бутыль, где терпеливо

Воспоминаний хмель глотками выпью я!

«Тебя, как небосвод ночной, я обожаю…»

Тебя, как небосвод ночной, я обожаю;

Ты – урна горести, молчальница большая,

И тем сильней люблю, чем ты бежишь сильней

И чем насмешливей, краса моих ночей,

Пустоты создаешь, как кажется, такие,

Что не достать рукам пространства голубые!

На приступ лезу я, в атаку рвусь сильней,

Как на покойника ползущий хор червей;

Неумолимый зверь! Жестокая! Тебя я

За эту холодность сильнее обожаю!

«Ты всю вселенную б в свою кровать вместила…»

Ты всю вселенную б в свою кровать вместила,

Блудница, и твой дух тоска ожесточила!

Чтоб в странных игрищах зубам работу дать,

По сердцу новому должна ты в день сжирать.

Огонь твоих зрачков – как бы витрины в лавках

Иль в воскресение две плошки на подставках, —

Заемной силою и наглостью живет,

Не зная никогда закон своих красот.

Машина, что слепа и что жестокость множит!

Полезный инструмент, что кровь у мира гложет!

Иль бледность прелестей своих ты никогда

Не видел в зеркалах? Иль ты не знал стыда?

Или величье зла, где всё тебе понятно,

Не заставляло шаг твой ринуться обратно,

Когда природа, чей великий план сокрыт,

Тебя использовав, о подлый зверь, родит,

Царица всех грехов, – вдруг гения тобою?!

Величье грязное! Бесчестье неземное!

Sed non satiata[1 - Но не насытившаяся (лат.)]

Каштановый, как ночь, причудливый божок,

Что запах мускуса мешает и гаванны!

Изделье дикарей и Фауст ты саванны!

Дочь черной полночи и ведьма смуглых ног!

Ах, навсегда меня не опиум увлек,

А запах уст твоих, где страсть кичится странно;

Когда к тебе бредут желаний караваны,

Оазис глаз твоих тоске б дать влагу мог!

О демон без пощад! Ты черными очами,

Как вздохами души, пролей поменьше пламя;

Не Стикс я, чтоб тебя мне девять раз ласкать!

И мужество твое, распутств Мегера, мне ли

До издыхания последнего сломать

И Прозерпиной стать в аду твоей постели?!

«Как перламутр, волнист ее одежд покров…»

Как перламутр, волнист ее одежд покров;
Когда она идет, то пляску видят взоры,
Как пляску длинных змей на острие жезлов,
Когда качают их священные жонглеры.

О, как лазурь пустынь над пасмурью песков,
Навек бесчувственных к людскому огорченью,
Как зыбь протяжная больших морских валов, —
Так равнодушия полны ее движенья.

Чудесен минерал ее лощеных глаз;
Всё в этом существе – знак тайны необычной:
В ней смешан с ангелом свирепый сфинкс
античный,

В ней только золото и сталь, свет и алмаз;
И блещет навсегда, как лишних звезд обличье,
Бесплодной женщины холодное величье.

Пляшущая змея

О ленивая и дорогая!

Я в красу вашей плоти влюблен,

Когда, звездочку напоминая,

Ваша кожа меняет свой тон!

Ароматом наполнена пьяным

Глубина шевелюры кудрей.

Море с запахом непостоянным,

Где валы то темней, то синей.

Как корабль ранним утром играет,

Когда ветер рассветный дохнет, —

Так душа якоря обрывает,

Грезя, мчит далеко в небосвод!

И в очах твоих нету печали,

Нет ни горечи, ни теплоты.

Две холодных игрушки смешали,

Где железо и злато слиты.

Ритм походки у вас наблюдаю,

Что беспомощна так и мила,

И немедля змею вспоминаю,

Что танцует на грани жезла.

Вы качнули под тяжестью лени

Головою; в ней детскость видна:

В том движении – вялость движений

Мне видна молодого слона.

Вот ваш стан наклоняется длинный,

Как послушный корабль средь морей,

Что плывет и коснется пучины

Наклоненною реей своей.

Как ручей, что растет, набухая

От расплавившихся ледников,

Так вздымается влага, играя

На устах ваших между зубов.

Хмель богемский! Он будет мной выпит!

Как победно и горько питье!

Словно жидкое небо, что сыпет

Блеск созвездия в сердце мое!

Падаль

Запомнили ли вы, что мы выдали, крошка,

В час сладкий утренних лучей:

Как падаль гнусная лежала па дорожке,

На ложе жестком из камней.

И ноги в воздухе, где яд и запах потный,

Как женский похотливый пот,

Показывали нам цинично, беззаботно

Гниеньем пахнущий живот.

На падаль солнце луч кидало из лазури,

Чтоб, в срок дожаривши сполна,

Вернуть сторицею торжественной Натуре,

Что сбила в целое она.

И небо остовом гордилось в любованьи,

Как распустившимся цветком;

Воняло так вокруг, что были в состояньи

Вы на траву упасть ничком.

Над вонью падали рой мух, жужжа, кружился,

И, схож с похлебкою густой,

Там легион червей из живота сочился,

Ползя по ветоши живой.

И это всё росло, как волны, поднималось,

Треща в движениях своих;

Казалось, остов жил, и тело размножалось

И пухло в выдохах пустых.

Мир этот издавал таинственные звуки,

Как ветер, как вода течет,

Как зерна в веялке, когда их крутят руки

Размеренно взад и вперед.

И стерлись контуры и стали лишь мечтами,

Неясным очерком на том

Забытом полотне; его бы мог на память

Художник дописать потом.

Пес потревоженный на нас из-за уступа

Свой злобный вскидывал зрачок

И мига ждал, когда он вырвет вновь из трупа

От страха брошенный кусок.

– Но всё ж и вам, и вам заразой стать ужасной

И грязной падалью такой,

Звезда моих очей и жизни свет прекрасный,

О страсть моя и ангел мой!

Такой же станете, о королева граций,

Вы после таинств гробовых,

И будет плесенью костяк наш покрываться

Между цветов и трав густых.

Тогда, о красота, скажи толпе, в лобзаньи

Тебя съедающих червей,

Что форму я навек сберег и содержанье

Распавшейся любви моей!

De profundis clamavi[2 - Из бездны взываю (лат.).]

К Тебе, единственно любимый мной, взываю

Из темной пропасти, куда душой упал.

Свинцовый небосвод угрюмый край обстал,

Проклятья с ужасом во мраке источая.

Здесь на шесть месяцев раскинет ночь покров,

Шесть месяцев других – здесь диск

нелучезарный,

И этот край голей, чем даже край полярный,

Ни зелени, ни рек, ни зверя, ни лесов.

Нет в мире ужаса подобного, такого,

Как жесткость холода светила ледяного,

И с древним Хаосом схож здешний мрак ночей.

Завидую судьбе последних я зверей,

Что в спячку глупую уйти способны в зиму, —

Так тянется моток времен невыносимо!

Вампир

Ты, как удар ножа, вошла

В больное сердце мне, пустая,

Прекрасна, взбешена и зла,

Как демонов безумных стая.

О разум побежденный мой,

В покорный превращен альков он!

Теперь я к нечестивой той,

Как к цепи каторжник, прикован,

Как к водке – пьяный человек,

И как к игре игрой заклятый,

Как черви – к падали проклятой, —

О, будь ты проклята навек!

Поспешный меч иметь мне надо,

Чтобы свободу возвратить!

Просил я вероломство яда,

Чтоб эту низость победить!

Но яд и меч в пренебреженьи!

Не вняли мне, ответив так:

«Ты не достоин избавленья

От рабства подлого, дурак!

И если мы твои оковы

Усилиями раздробим,

Ты поцелуем роковым

Труп воскресишь вампира снова!»

«Я эту ночь провел с Еврейкою ужасной…»

Я эту ночь провел с Еврейкою ужасной,

Как возле мертвеца простертый мертвый труп;

Я начал размышлять вблизи продажных губ

О грустной красоте, где я погиб, бесстрастный.

Представил я ее величье от рожденья:

Красой и силою зрачок вооружен;

На ней – душистый шлем волос сооружен, —

Я, вспомнивши о нем, воспрял для наслажденья.

Я умиленно стан расцеловал бы твой,

Богатство б разметал я ласк моих упорных

От свежих ног твоих до кос прекрасно черных, —

Когда б могло хоть раз вечернею порой

Невольною слезой, жестокая царица,

Великолепие холодных глаз затмиться!

Посмертные укоры

В тот час, когда уснешь ты, кто мрачна, красива,

И черный мраморник воздвигнут над тобой,

Тебе заменит дом, альков прекрасный твой,

Пустой, глубокий ров, могильный склеп

дождливый,

И ляжет камень плит над грудью боязливой,

Над телом, чтоб мешать всей прелести былой,

Чтобы не слышался отныне сердца бой,

Чтоб не было у ног походки шаловливой.

Наперсница мечты неконченой моей, —

Могила, – ты всегда поймешь поэта цели, —

И в мраке медленных, лишенных сна ночей

Шепнешь: «Распутница несовершенств! Ужели

Не знала ты, что труп жестоко слезы льет?»

– И червь, как совести укор, тебя пожрет.

Кошка

На влюбленное сердце клади поскорей

Свои когти, ко мне подойдя ты,

Чтоб я мог погрузиться в красоты очей,

Где с металлом смешались агаты.

На досуге я голову глажу твою,

Эластичную спину лаская,

В электричество тела я руку сую,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Но не насытившаяся (лат.)

2

Из бездны взываю (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharl-bodler/cvety-zla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить